

ЦЕНА ПОБЕДЫ: РОССИЙСКИЕ ШКОЛЬНИКИ О ВОЙНЕ

Егор Соколов

Сборник работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». М.: Мемориал; Новое издательство, 2005. — 464 с.: ил.

«Цена Победы» — характерная книга. Она все о том же: война, как мы ее себе представляем, это миф, созданный советской властью в 1960–1980-е гг. Страшный тоталитаризм, ничем, по сути, от гитлеров-

ского не отличающийся, внушил людям чудовищную коммунистическую ложь, затуманил их сознание, зомбировал... И до сих пор на войну наброшена завеса молчания, до сих пор скрывается страшная прав-

да. Но, к счастью, ее, самую что ни на есть настоящую, могут поведать читателю школьники.

Именно это обстоятельство сразу выделяет книжку из множества подобных. Текст, который нам предлагается, атрибутируется весьма специфическому субъекту. Мы, вероятно, должны считать этого субъекта привилегированным, за его высказыванием, это гарантируется коллективностью и детской «невинностью», не может стоять никакого политического интереса. Это высказывание, оно как бы даже не «его» — дети безгрешны, а, следовательно, никакой ответственности нести не могут (ну кто, в самом деле, будет критиковать ребенка? и в какой плоскости его можно было бы критиковать? как историка? политика? мифолога?). И более того, «он» ведь только пересказывает, воспроизводит речь дедушек и бабушек, ничего сам не придумывает, разве что иногда реагирует, живо (подетски!) и непосредственно. Конечно, соглашается автор послесловия «Мифы не переписывают...» Никита Охотин, «эта память плохо разбирается в экономических, политических и социальных процессах, да, она полна недомолвок и мелких aberrаций. И в то же время свидетельство, которое передается в доверительном контакте со слушателем, почему-то совсем не похоже на пластилиновый макет войны, хранящийся в школьном музее. Оно убеждает своей своей фрагментарностью и безыскусностью» (с. 460). Действительно, зачем ребенку разбираться во всех этих неудобных вещах? Не нужно, его приведет к «правде» невинность («безыскусность»). «У голодающих людей, не имеющих возможности выращивать даже огород на линии фронта, — пишут десятиклассники Максим Столбовский и Василий Хруцкий, — собирали зерно для сева. Мы понимаем, что вся страна жила трудно, что, может быть, другого пути не было, но

это кажется нам даже какой-то особой жестокостью» (с. 50). Понятно, что оговорка «может быть» не имеет здесь никакого значения, как правило, она и не делается. И предполагают, что школьник имеет на это право, снятие исторического контекста, непозволительное для «взрослого», не только сходит ему с рук, но и ставится в заслугу. Слезинка ребенка, это абсолютное нравственное мерило, позволяет избежать какой бы то ни было дискуссии, действия советской власти, вырванные из причинно-следственной цепи, превращаются в чистую форму Несправедливости, фигуру Зла, конструируемую наподобие холокоста. Ребенок в этой мифологической структуре занимает абсолютную позицию, во многом аналогичную позиции еврея, только не Жертвы, а, скажем, Свидетеля — позицию, которая принципиально не может быть поставлена под сомнение. Еще и потому, конечно, что ребенок, в отличие от любого его возможного критика, принадлежит к «непоротому» поколению, его взгляд, не затуманенный коммунистической идеологией, чист и свободен.

Впрочем, некоторой наивности не лишены и издатели школьных сочинений, директор образовательных программ Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» Ирина Щербакова и директор музея того же общества Никита Охотин, перу которых принадлежат соответственно предисловие и послесловие. Они сетуют, что холокосту в нашей стране не отводится, как на Западе, центрального и организующего все повествование о войне места (с. 14, 458), клеймят «миф о войне — официальный идеологический конструкт» (с. 455), выразившийся в «безликих однотипных памятниках и мемориальных комплексах» (с. 7) и «наборах клише из брежневской эпохи» (с. 9), они приводят строки «День Победы — это радость со слезами на глазах» и «памяти павших будьте достойны» как пример «памяти» казенной и выхолощенной (с. 9) или обрушиваются на «национальный миф» и Сталина со ссылкой на Виктора Суворова (с. 458). И как бы не замечаю, что слова «миф о войне [...] это такое историко-мифологическое батальное по-

Сын полка 169 авиабазы особого назначения. Полтавский аэродром, Миргород, 1944 г.

лотно, в котором свои обязательные элементы: светлый лик героя, ужасный лик врага, беззащитная жертва. И главное, на нем всегда флер сакральности» (с. 457) прекрасно описывают их собственную работу: отбор и редактирование (вероятно, достаточно серьезное, очень уж односторонне в стилистическом отношении выглядят тексты) сочинений, вступительную и заключительную статьи, даже оглавление, в котором уже — священные для любого правозащитника — и «Война и ГУЛАГ», и «Я не смею говорить»... Миф, который нам предлагают взамен «официального идеологического конструкта», строится, как и положено, на нескольких базовых бинарных оппозициях: идеологическая схема — народная память, бездушная государственная машина — человеческая жизнь, бюрократическое равнодушие — искреннее сочувствие и т.д. «Устами младенца» снова проговаривается многократно слышанное: советский солдат «За Родину! За Сталина!» не кричал, воевал из-под палки и погибал совершенно бессмысленно. Хотя именно о солдате в книжке почти не говорится. Рассказы посвящены, например, рытью окопов в Мордовии, заключенным в Коми, партизанам Заполярья и т.д. Обращение к таким сюжетам должно переопределить тематические

иерархии: Московская или Сталинградская битва ничуть не важнее, чем недовольство крестьян деревни Брехово советской властью. Повествование о войне дробится на эпизоды, лишается логики. Эффект этого переопределения — невозможность сказать, за что же собственно была заплачена такая высокая «цена победы», невозможность, автоматически делающая эту цену чрезмерной.

Зачем же читать эту книгу, если рассказываемый правозащитниками миф знаком нам сегодня не хуже советского? Наверное, не для того, чтобы услышать от школьников, что власть столь же равнодушна к «обычному» человеку, как и 65 лет назад. Но, может быть, для того, чтобы узнать, как этого человека современный школьник себе представляет, как снисходительно и пренебрежительно он относится к его «идеологии», как возмущается властью государства над ним, считая, вероятно, себя свободнее, как поражается его труду и лишениям (особенно голоду), как не понимает, за что же стоило платить своим благополучием, здоровьем и жизнью близких. Может быть, для того, чтобы что-то узнать об этом школьнике.

á